
К ПРОБЛЕМЕ ПОТРЕБНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ
(На материале фразеологии курдского языка)

М. У. ХАМОЯН

Языковое образование в течение веков находится в центре внимания исследователей. За это время наука достигла значительных успехов в определении его лингвистического статуса и, в частности, в выявлении большого количества его особенностей (свойств, признаков и т. п.), отражающих его разные стороны. Задача описания этих сторон обусловила становление ряда научных дисциплин, представляющих собой ныне отдельные разделы науки о языке.

Вместе с тем, структурно-элементный состав языкового образования еще недостаточно освещен, и до сих пор не установлены единые критерии разграничения различных типов языковых образований, встречающихся в языке и образующих его отдельные материальные отрасли. Очевидно этим обусловлено то, что современная языковедческая мысль по существу протекает в двух связанных между собой направлениях: выявление все новых свойств и черт языковых образований, способствующее разработке основ их характерологической типологии; определение основ их классификационной типологии, направленной на установление их объективного места в языковой системе.

Настоящая статья представляет некоторые результаты наблюдений автора в *этих направлениях* над фразеологическим составом курдского языка. В ней обосновывается возможность выявления у языкового образования нового свойства, до сих пор не обратившего на себя внимание специалистов, и на основе этого свойства определения места языковых образований, в том числе фразеологических единиц в системе языка.

Заметим, что приобретение фразеологической проблематикой особого места в современной лингвистической науке обусловлено необходимостью создания фразеологической теории и освещения общих вопросов теории национальных языков, а также практической потребностью составления учебных пособий и фразеологических словарей различного назначения, создание которых является важной задачей фразеологии каждого языка. В плане решения этих задач, актуальных и для курдоведения, заслуживает особого внимания прежде всего вопрос выделения и описания фразеологического состава языка и создания аргументированной основы определения фразеологии в качестве самостоятельного раздела теории языка. Этот вопрос является частью общей проблемы определения места элементов языка в системе и, в частности, их принадлежности соответствующим подсистемам языка. Однако несмотря на его сравнительно широкую разработанность различными учеными на фразеологическом материале многих языков, вопрос этот еще не имеет однозначного решения. Между тем, как показывают наблюдения, отсутствие единого взгляда на объем и границы фразеологии обусловлено не недостаточностью результатов исследований в традиционно выделяемых трех аспектах (в структурном, семантическом и функциональном отношении), а тем, что вопрос об определении лингвистического места фразеологической единицы решается без выбора для этой цели соответствующего аспекта исследования. Имеющиеся в специальной литературе определения фразеологической единицы, основанные на таких частных признаках, какими являются устойчивость, воспроизводимость, раздельнооформленность, полная или частичная переосмысленность компонентного состава и т. п., обычно отвечают лишь на вопрос, какова фразеологическая единица в том или ином частном отноше-

нии. Между тем, фразеологической науке необходим ответ на общий, глобальный вопрос: что такое фразеологическая единица?

В самом деле, для определения места языкового образования в системе следует исходить не из его частных признаков или свойств, формальными показателями которых служат те или иные его частные стороны, а из такого его свойства, показателем которого служит он в целом. Подобный подход к языковому образованию предполагает наличие у него, кроме частных особенностей, характеризующих технику его строения в целом, еще и некоторого глобального свойства, относящегося не к его отдельным сторонам, а ко всей его комплексной организации. Однако мы не располагаем данными ни о составе этого свойства и ни о том, каков аспект исследования, который объективно ведет к его познанию.

Вопрос «что такое фразеологическая единица? (Для чего она?)», требует рассмотрения этой единицы в аспекте ее связей с породившей ее потребностью, поскольку лишь в этом плане можно добиться необходимого ответа.

На связь языка с социальной потребностью указывают К. Маркс и Ф. Энгельс: «...язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹. «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу»². «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем, ради какой-либо из своих потребностей...»³. Как известно, марксистское положение о происхождении языка из социальной потребности приобрело дальнейшее логическое развитие в ленинском философском определении языка: «язык есть важнейшее средство человеческого общения»⁴. В основу этого определения положена социальная сущность языка. Что касается выяснения лингвистической сущности языка—языкового образования в аспекте его связей с потребностью, то лингвистика в этом отношении отстает. В частности, хотя положение о возникновении языка из потребности давно известно в теории языка, однако тот факт, что изучение объектов языковой действительности в их связях с потребностью может привести к дальнейшему освещению их структурно-элементного состава, в практике лингвистических исследований не учитывался. Несмотря на то, что мысли классиков марксизма-ленинизма широко представлены в философско-лингвистических и общезыковедческих трудах как мысли основополагающие в разработке связей языка с обществом, однако сама проблема потребности не только не разработана, но и как таковая не поставлена лингвистами.⁵ Между тем решение этой проблемы не является бесполезным, ибо оно привлечет внимание специалистов к новым вопросам, касающимся методов и аспектов исследования языкового материала, будет способствовать решению ряда стоящих перед современной лингвистикой актуальных задач научно-теоретического и прикладного характера.

В настоящей статье делается попытка осуществить анализ структурно-элементного состава фразеологических единиц в аспекте их связей с потребностью, в ответ на которую они возникают. Этот аспект объективно ведет к пониманию важности выделения и разработки проблемы потребности в лингвистике.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 29 («Немецкая идеология»).

² Там же, т. 20, с. 489 («Диалектика природы», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»).

³ Там же, с. 493.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, 1961, с. 258.

⁵ Проблема потребности подробно освещена в этике и эстетике (см. напр.: Проблемы этики и эстетики, вып. 3; Проблема потребностей в этике и эстетике, Л., 1976). Проблема потребности посвящена I Всесоюзная конференция, проведенная в 1974 г. в Тбилиси (см.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции. 4—6 ноября 1974 г., Тбилиси, 1974).

Языковые образования, в том числе фразеологизмы, возникают из потребности в общении—в передаче (выражении) определенного идеального содержания—единицы мысли. Из этого следует, что языковые образования имеют свойство удовлетворения потребности, ибо то, что возникает из потребности, обладает свойством удовлетворить эту потребность. Таким образом, рассматривая языковые образования в их связях с порождающей их потребностью, мы обнаруживаем у них особое обособленное свойство—свойство удовлетворения потребности, изначально присущее им. Это свойство, до сих пор не отмеченное наукой, условно названо автором лингвистическим назначением языкового образования.

Лингвистическое назначение языкового образования не относится к числу его частных свойств, не находится на одном уровне с его структурно-семантическими и функциональными особенностями. В зависимости от этого аспект изучения элементов языка в их связях с потребностью подлежит строгому различению и ограничению от традиционно выделяемых трех аспектов: структурного, семантического и функционального. Проводимые в этом аспекте исследования преследуют строго определенную цель, которой невозможно достичь при изучении языкового образования в других аспектах. Цель эта заключается в установлении лингвистического назначения и определении его элементного состава. На пути же к достижению этой цели предстоит выяснить ряд вопросов, связанных с определением характера потребности, из которой возникают языковые образования и в частности фразеологизмы как единицы особой подсистемы языка. Причем круг этих вопросов, определяющийся с учетом неизученности проблемы потребности в лингвистике, ограничен сферой фразеологического материала современного курдского языка.

В психологии «потребностями называются психические состояния, переживаемые человеком, когда он испытывает настоятельную нужду в чем-либо»⁶. Общественные потребности образуют некую систему, зеркально отражающую жизнь и деятельность людей на каждом этапе исторического развития, условия и возможности обеспечения человека, как живой особи в природе и в обществе. Человек без потребностей отрезан от жизни. «Он должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей...»,—писал Ф. Энгельс⁷.

Среди постоянно действующих духовных потребностей людей особый интерес представляет потребность в общении, являющаяся одной из важных особенностей человеческого общества, величайшим из величайших достижений его духовной жизни. Побудительный фактор, приведший к ее появлению, мог бы возникнуть в глубинах предыстории человечества, в первичных примитивных процессах совместной жизни и трудовой деятельности, при настоятельной нужде в передаче информации и в достижении взаимопонимания. В этом убеждают мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенные в их материалистическом определении языка: «На «духе» с самого начала лежит проклятие—быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков—словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык—есть практическое, существующее и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»⁸.

Нужда в общении определила потребность в выражении и тем самым в создании орудия общения—языка. Но язык не только возникает из потребности. Он существует и функционирует, используется и развивается в силу потребности. При отсутствии потребности, что означает отсутствие языкового коллектива, язык оказывается вне использования, он перестает существовать и развиваться.

В прямой зависимости от специфичности потребности в общении язык выступает как самостоятельное явление, обслуживающее одну строго определенную сто-

⁶ П. А. Рудик. Психология. М., 1976, с. 109.

⁷ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Соч., т. 21, с. 297.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Указ. соч., с. 29.

рону общественной жизни. Из его сравнения с другими общественными явлениями в их связях с соответствующими потребностями неминуемо вытекает мысль, что первое и наиболее общее отличие между этими явлениями и между ними и языком, как и между действиями и состояниями, присущими человеку, а также между всеми предметами, созданными его рукой и т. д., начинается с того, что они возникают из соответствующих разных потребностей. При разных потребностях перед нами разные духовные и материальные ценности (ср. язык с такими явлениями и предметами как национально-освободительное движение, революция, борьба за разоружение и т. д., с одной стороны, и телефон, телевизор, трактор, лсжка, кушак, люлька, лопата и т. д.—с другой).

Будучи социальным явлением, потребность, из которой возникает язык, не является объектом изучения лингвистики. Она не является свойством языка так же, как и потребность в телефоне не является свойством телефона. Однако она должна в обязательном порядке быть учтена в науке о языке, так как основное, релевантное свойство языка, каким является его назначение в общей системе действительности, а далее и релевантное свойство его элементов, каким является их лингвистическое назначение в системе языка, может быть обнаружено лишь при их рассмотрении в их связях с потребностью.

В освещении природы лингвистической потребности отдельное место занимает вопрос о времени и условиях ее появления. В самом деле, когда возникает потребность в образовании языкового элемента и чем она обусловлена?

Акт отражения действительности в сознании человека не является в то же время актом образования им языковой структуры. Если считать, что процесс материализации результатов отражения в виде определенного идеального содержания является в то же время процессом удовлетворения потребности, то факт появления потребности следует искать где-то в промежутке между началом акта материализации результатов отражения в их еще не ставшем фактом языка виде и концом акта отражения действительности. Этот промежуток с большой очевидностью выступает как этап нахождения результатов отражения непосредственно в преддверии языкового сознания. Вот что пишет Е. М. Галкина-Федорук: «Первая мысль, зародившаяся у человека, оформилась, облекаясь в языковую оболочку»⁹. «Новое идеальное содержание типа понятие,—пишет И. С. Торопцов,—возникает в ходе отражения предметов и явлений объективной действительности и впервые находит свою объективацию в описании: т. е. в сочетании нескольких слов, осуществленном по синтаксическим моделям языка (речь идет о возникновении фразеологизма,—М. Х.).

В случае закрепления этого содержания в слове или фразеологизме, оно, как это очевидно, предшествует акту закрепления, лексической объективации (все отличие между словом и фразеологизмом неоправданно сводится автором к особенностям в звуковой оболочке фразеологизмов, к ее расчлененности,—М. Х.).

Когда в новом слове или фразеологизме повторно закрепляется какое-либо ранее закрепленное в лексических единицах содержание, то не менее очевидно, это содержание было уже готово, предшествовало повторной лексической объективации. Таким образом, во всех случаях лексической объективации предшествует готовое идеальное содержание»¹⁰.

Касаясь этого же вопроса, Е. Н. Толкина отмечает: «...как только процесс образования абстракции (еще не понятия) завершен, проблема становится лингвистической. Абстракция в таком виде уже поддается описательному комбинатор-

⁹ Е. М. Галкина-Федорук. Язык как общественное явление. М., 1954, с. 33.

¹⁰ И. С. Торопцов. К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц. См. Ученые записки, т. 160; Русский язык, вопросы русской фразеологии, вып. II. М., 1966, с. 8—9.

но-языковому выражению. Известно, например, что А. Н. Попов, сделав свое открытие, читал о нем доклады и демонстрировал его, а слова «радно» еще не было. Таких случаев, особенно в области науки, немало. Следовательно, акт материализации абстракции в слове (в собственном знаке) может произойти сразу после завершения процесса образования ее, но может быть и отодвинут на некоторую временную дистанцию. Последнее можно отметить. Такая возможность является свидетельством того, что акт материализации абстракции в знаке не является ни частью процесса отражения, ни продолжением его. Здесь пролегает естественная граница двухсторонней проблемы. Кончается ее гносеологический аспект и начинается лингвистический аспект генезиса языкового знака.¹¹ Таким образом можно полагать, что с завершением процесса образования абстракции (еще не понятия) возникает потребность в направлении языкового сознания на поиски соответствующей формы ее выражения.

Единица мысли в виде «еще не понятия» как результат самостоятельного акта отображения действительности облекается в материальную оболочку благодаря потребности в ее выражении, приводящей к становлению языкового образования в целом. Но единицы мысли бывают самого различного характера. В зависимости от этого существуют разные типы потребности, из которых возникают соответствующие языковые образования. Рассмотрим эти типы потребностей.

Языковые образования, встречающиеся в современном курдском языке как языке издревле отдельного самостоятельного языкового коллектива, возникают не из одной и той же потребности. Предложение как предикативная единица, служащая для выражения мысли, а также чувства и воли, например, образуется в связи с одной потребностью, тогда как такое языковое образование как слово—значимый звукокомплекс—возникает в связи с совершенно другой потребностью. Становление поговорок и пословиц связано с одними потребностями, в то время как из совершенно других потребностей возникают речевые единицы типа присловий или языковые единицы типа фразеологизмов и т. д.

Выделение разных типов потребностей, из которых возникают эти языковые образования, служит основой строгого различения разных типов назначений—свойств удовлетворения потребности, присущих им, а именно: лексического назначения, характерного для слов; синтаксического назначения, свойственного синтаксическим единицам; паремнологического назначения—у поговорок и пословиц; фразеологического назначения, свойственного для единиц фразеологической подсистемы языка, и т. д.

Поскольку нужда в передаче каждого типа единицы мысли создает соответствующий тип потребностей, то от характера этого типа единиц мысли зависит и характер данного типа потребности. В этом плане выделяются потребности устойчивые, связанные с типом единиц мысли устойчивых, стабильных, требующих запоминания в готовом виде, и неустойчивые потребности, обусловленные типом единиц мысли, возникающих для одного раза и не требующих своего запоминания в готовом виде. При потребностях, носящих устойчивый характер, возникают и существуют устойчивые образования языка типа слов, фразеологических и паремнологических единиц и т. п. При потребностях же, имеющих переменный характер, образуются синтаксические единицы—носители сцепления единиц мысли, находящие свое выражение в данном конкретном речевом акте.

Таким образом, выделение двух типов потребностей—стабильных и нестабильных (переменных)—служит основой для разграничения двух типов единиц мысли, а далее и двух типов лингвистических структур: синтаксических единиц как нестабильных структур (при стабильности их моделей) и единиц языка, обладающих стабильностью.

¹¹ Е. Н. Толикьян, К вопросу о значении слова и значения фразеологизма. Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия, вып. № 178. Вопросы фразеологии, III, Самарканд, 1978, с. 217.

Для освещения природы назначения ключевое значение имеют также следующие моменты, касающиеся выявления особенностей языкового образования, отвечающих характеру потребности, из которой оно возникло.

1. Потребность в выражении единицы мысли, устойчивой после ее объективации, т. е. облечения ее в материальную оболочку, и образования на этой основе соответствующего элемента языка, перерастает в потребность в этом элементе. Потребность в таком виде относится ко всему элементу в целом, а в зависимости от этого его назначение выступает в глобальном свойстве, доминирующем над его комплексной организацией в целом. При этом насколько специфична эта потребность, настолько специфично и само назначение.

2. Элементы языка возникают в ответ на потребности в целях их удовлетворения. Из этого следует, что эти элементы должны быть построены таким образом, чтобы в целом обладать свойством удовлетворителя, т. е. всеми теми особенностями, совокупность которых необходима для обеспечения данных потребностей. Стало быть, потребность не только вызывает языковое образование к жизни, но и предопределяет строго определенный состав его организации. Из этого следует, что, во-первых, между организацией языкового образования и его назначением существует строгая взаимообусловленность и, во-вторых, потребность в языковом образовании основана на свойственных ей различных типах инвариантности, т. е. микропотребностей, от которых зависят соответствующие стороны, свойства, черты—словом, все то, из чего состоит или строится данное языковое образование. В частности, подходя к потребности в плане ее связан со структурно-семантической организацией языковых образований, можно проследить три разных типа ее инвариантности и зависящие от них три разных типа структурно-семантических особенностей:

1. Инвариантность, удовлетворяющаяся языковыми образованиями в их всеобщих (общезыковых), интегрирующих особенностях;

2. Инвариантность, удовлетворяющаяся языковыми образованиями в их индивидуальных, неинтегрирующих особенностях;

3. Инвариантность, обеспечиваемая языковыми образованиями в их общих частично интегрирующих (частноязыковых) особенностях.

Под всеобщими (общезыковыми) особенностями языкового образования понимаются в виду те его черты и свойства, которые присущи всем языковым образованиям в виде автономных отрезков звуковой речи, представляющих собой в целом особое проявление материального мира. Здесь, прежде всего, учитывается тот факт, что языковое образование должно состоять из языковой материи, чтобы считаться элементом языковой действительности.

Всеобщие особенности, будучи общими для всех языковых образований, объединяют их в область языковой действительности, противопоставляя их всем элементам внеязыковой действительности, куда входят и лингвистические средства общения.

Таким образом, отвечая одному из трех типов микропотребностей, всеобщие особенности указывают на *языковость* элементов орудия общения и относятся к их структурно-семантической организации в целом.

Всеобщим особенностям прямо противопоставлены индивидуальные особенности, которые присущи только одному конкретному языковому образованию. Они основаны на стремлении (микропотребности) индивида создать для каждого познанным им отрезка действительности отдельного, автономного языкового представителя в виде конкретного языкового образования—элемента орудия общения. Тем самым индивидуальные особенности ориентированы на отдельность языкового образования, на индивидуальный случай проявления языковости, направленный на данный конкретный предмет.

Таким образом, в отличие от всеобщих (общезыковых) особенностей, которые указывают на то, *из чего состоит языковое образование*, индивидуальные особенности, характеризующие отдельность языкового образования в виде некоторого от-

резка звуковой речи, обусловлены потребностью в указании на то, что оно *отражает, обозначает или выражает*.

От всеобщих особенностей, с одной стороны, и индивидуальных особенностей, с другой, ограничиваются общие (частично интегрирующие) особенности, которые характеризуются тем, что присущи некоторому кругу языковых образований. Общие особенности лежат в основе разграничения различных типов языковых образований и их последующей дифференциации на разных уровнях. Такие типы языковых образований, какими являются слова, синтаксические единицы, фразеологические единицы, паремологизмы и т. п., выделяются на первом, наиболее общем уровне членения языка¹². Они представляют собой разные типы проявления языковости или разные формы, в которых языковость находит свое выражение. Тем самым, общие особенности, прослеживаемые при наиболее общем и крупном членении языка, являются типологическими особенностями, ориентированными на тип проявления *языковости*, и на этом основании представляют разнящиеся классы однородных, однотипных языковых образований.

Возникает вопрос: чем обусловлены общие, типологические особенности, от которых зависит наличие в языке лингвистических структур разных систем в виде слова, предложения, паремологизма, фразеологизма и т. п. как индивидуальных случаев проявления соответствующих типов языковости?

Языковость (языковая материя) представляет собой единство формы (звучания) и содержания (мысли). К. Маркс указывает на язык как форму существования мысли.¹³ Все перечисленные выше типы языковых образований отражают действительность. Это общая для всех них черта. Отличия же между ними касаются того, как они отражают действительность: язык разнороден по типам проявления, которые являются разными формами существования мысли или разными формами, в которых осуществляется отражение действительности. Из этого следует, что тип проявления языковости (языка) определяется спецификой отражения действительности, тем, в какой форме, в каком составе или объеме она отражается и предопределяет характер единицы мысли.

Таким образом, общие особенности, указывающие на тип проявления языковости, ориентированы на представление специфики отражения действительности. Но поскольку спецификой отражения действительности обусловлен характер единицы мысли, а от характера единицы мысли зависит характер формы ее объективации,¹⁴ то спецификой отражения действительности в конечном счете определяется характер организации языкового образования в целом, как образца данного типа проявления языковости. Тип проявления языковости оказывается обусловленным спецификой отражения действительности. А в связи с этим существенные качественные отличия между разными типами проявления языковости (такими, например, какими являются слова, синтаксические единицы, устойчивые словосочетания и предложения и т. д.) оказываются связанными с расхождениями в специфике отражения действительности.

Таким образом, общие особенности языкового образования отражают характер его организации и, тем самым, отвечают отдельному типу микропотребности.

Итак, три типа особенностей языкового образования, обеспечивающие соответствующие типы микропотребности, позволяют ответить на следующие три разных

¹² Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. *Общее языкознание*. М., 1979, с. 93.

¹³ Касаясь марксистского определения языка как непосредственной действительности мысли, В. Б. Касевич пишет, что в нем подчеркивается отражательная функция языка: «мышление», т. е. отражение человеком окружающего мира, осуществляется по преимуществу в языковой форме». См. В. Б. Касевич. *Элементы общей лингвистики*. М., 1977, с. 5—6.

¹⁴ М. У. Хамоян. Структурно-семантическая типология фразеологизмов (на материале современного курдского языка).—*Историко-филологический журнал*, 1982, № 2, с. 182.

вопроса, касающихся природы его структурно-семантической организации: *из чего оно состоит, что оно отражает (или обозначает) и как оно отражает и, в зависимости от этого, каков характер его организации?*

В настоящей статье фразеологическая единица определяется как отдельная, самостоятельная единица языка на том основании, что она выделяется на первом, наиболее общем уровне членения языковой системы, представляя собой отдельный тип проявления языковости, обнаруживающий совокупность указанных выше трех типов особенностей. Однако до рассмотрения этих особенностей и в частности так называемых общих, чисто фразеологических особенностей фразеологизма необходимо вылупить еще один вопрос, связанный с природой назначения как особой лингвистической категории и его отношений с соответствующими типами особенностей.

Тот факт, что языковое образование существует из потребности, основанной на трех типах инвариантности (микротребностей), служит основанием для признания его назначения как свойства комплексного, соответственно основанного на трех типах микроназначений, с которыми выступают соответствующие типы особенностей: микроназначение, относящееся к всеобщим особенностям языкового образования; микроназначение его общих (типологических) особенностей и микроназначение его индивидуальных особенностей.

Методика определения трех типов микроназначения у языка в целом и у конкретного языкового образования в частности сводится к следующему:

А. Язык как явление, возникшее из потребности, наделен тремя типами особенностей как показателями трех типов микроназначений, на которых основано или, иначе говоря, в которых находит свое выражение его назначение: микроназначение, отвечающее материальной сущности (общематериальным особенностям) языка; микроназначение, отвечающее его индивидуальным особенностям, и микроназначение его типологических особенностей.

Язык—элемент общей системы объективной действительности, он определяется в качестве ее составной части в специфическом для него проявлении. Возникая из особой потребности, он образует свою систему, отдельный микромир, прежде всего в общем ряду нелингвистических средств общения. В этом случае назначение языка определяется в плане сравнения его с такими средствами общения, какими являются, например, элементы кинесики. На этом уровне язык несет обязанности (выступает в должности) орудия общения в виде звуковой речи.

Свойство быть орудием общения в виде звуковой речи есть назначение языка, его категориальное свойство, ограничивающее его от нелингвистических средств общения. Здесь же отметим, что от назначения языка как орудия общения в виде звуковой речи зависят его функции, что и требует строгого различия назначения и функции языка как двух его разных сторон. Совокупность функций данного знака, образующая статус его деятельности, обусловлена его назначением.

Б. Языковые элементы образуют некую систему, именуемую системой языка. Для того чтобы общее для всех элементов языка назначение (инвариантность) стало объектом осознания (осмысления), требуется выйти из пределов системы и наблюдать ее на уровне общей системы объективной действительности, в ряду всевозможных типов ее проявлений. В таком случае язык предстанет перед нами в виде некоего целого, особо организованного проявления материального мира. Именно в этом случае элементы языковой действительности будут наиболее ярко выделенными и противопоставленными элементам внеязыковой действительности, наиболее четко выявится их строгая объединенность одним общим назначением, обусловленным одной общей потребностью.

Если в части всеобщих особенностей языковые образования отвечают одной и той же микротребности, имея поэтому одно и то же общеязыковое назначение, то в части общих (частноязыковых) особенностей, лежащих в основе их типологической дифференциации, они отвечают разным микротребностям, поэтому имеют разные частноязыковые назначения, образуя, тем самым, разные области или подсистемы языковой действительности.

Непременным условием для осознания частноязыкового назначения языковых образований является выход из структуры этих областей-подсистем и их наблюдение на общем фоне системы языка, где элементы каждой подсистемы объединены общим для них микроназначением, общим подсистемным свойством.

Таким образом, частноязыковое назначение элементов языка, как и назначение той или иной языковой подсистемы (или микросистемы) как таковое, определяется в пределах общей системы языка. В этом плане языковые образования оказываются в положении лингвистических средств общения (элементов орудия общения) в виде автономных отрезков звуковой речи, построенных из соответствующих микропотребностей в целях их удовлетворения. Свойство автономного отрезка звуковой речи—языкового образования—удовлетворить данную микропотребность выступает как его назначение в системе языка.

Итак, лингвистическое назначение языкового образования основано на трех типах инвариантности, микроназначений: общеязыковом, частноязыковом и индивидуальном. В первом типе инвариантности языковое образование принимает участие в строении системы языка, во втором типе инвариантности—в образовании данной подсистемы (или микросистемы), в третьем же типе инвариантности занимает отдельное место в этой подсистеме, определяясь в качестве ее оппозитивного элемента. Тот факт, что лингвистическое назначение основано на трех типах микроназначений, составляющих языковое образование элементов, указывает на его глобальный характер, на то, что оно отражает лингвистическую сущность языкового образования. В зависимости от этого лингвистическое назначение языкового образования может быть положено в основу его научного определения.

Следовательно, изучение языковых образований в аспекте трех типов микроназначений необходимо для того, чтобы ответить на три разных вопроса пауки о языке, а именно: *о характере языковости как особом проявлении материального мира, о типах проявления языковости и об индивидуальных формах проявления этих типов*. Из них важным для нас является вопрос о типах проявления языковости, с которым связано объективное определение места языковых образований в системе языка.

Специфика языковых образований, отражающих разные типы проявления языковости, не исчерпывается тем, что они возникают в ответ на разные потребности и имеют разные назначения. Очень важным представляется и то, что языковые образования, вызванные одной и той же потребностью и имеющие одно и то же назначение, как таковые, обнаруживают и один и тот же лингвистический статус комплексной организации, а разные по назначению образования наоборот являются разными и по лингвистическому статусу своей комплексной организации. Этот факт как прямое указание на построение языкового образования в строгой зависимости от характера его содержания декларирует распространение особенностей данного типа проявления языковости на всю комплексную организацию языкового образования.

Стало быть, если языковые элементы обнаруживают разные формы объективации, то это потому что у них разные по характеру и объему содержания и, следовательно, возникают они из разных потребностей и поэтому имеют разные лингвистические назначения в системе языка. Поскольку назначение основано на совокупности микроназначений (микро свойств) элементов, составляющих языковое образование, то комплексная организация последнего выступает объективным показателем его назначения и свидетелем реально действующей потребности, вызвавшей его к жизни.

Итак, признание назначения категориальным признаком или свойством основано на том, что наиболее общее и основное отличие между элементами языка, образованными (или образующимися) при разных потребностях, в разных целях, заключается в их назначении. Поскольку обусловленность образования языкового элемента соответственной потребностью связана с необходимостью в ее удовлетворении, то свойство удовлетворять данную потребность выступает в качестве назначе-

ния этого элемента в системе языка. Это относится к элементам всех языковых уровней, в том числе и к единицам фразеологической системы, к которым нам предстоит обратиться.

Языковыми образованиями фразеологического назначения курдского языка, т. е. фразеологическими единицами, являются обороты типа: *анин сери* («осуществлять, выполнять, завершать, довести до конца»), *дел-дуве фьланкэсе анин харе* («брать измором, настойчиво добиваться чего-либо, надоедая своими просьбами, разговорами и т. п.»), *кал-бав* («предки»), *сал бь сал* («ежегодно; постоянно, год за годом»), *хатьр гьртьн* («уважать, почитать, чтить») и т. д. Главными особенностями таких структур, указывающими на специфичность их структурно-семантической организации как показателя их лингвистического назначения и, тем самым, служащими основой для определения границ фразеологического состава языка, являются следующие.

1. Фразеологическая единица—носитель семантемы, сущность которой заключается в следующем: она является устойчивой, понятийно-целостной семантемой, отражающей действительность в некоторой её характеристике, оценке или описании в определенном направлении. Доказательством понятийной целостности фразеологической семантемы служит то, что она соотносится с лексической семантемой слова как члена предложения. Доказательством же того, что фразеологическая семантема обнаруживает специфическую форму отражения действительности—в ее основе, лежит характеризующее, оценивающее или описывающее начало—является то, что при потребности в объективации она соотносится с типовой семантемой синтаксического словосочетания или предложения. Вместе с тем, оба эти доказательства совокупно выступают показателем фразеологичности семантемы, образующей план содержания всякой фразеологической единицы.

2. Фразеологизм возникает из потребности в объективации фразеологической семантемы. Это служит доказательством зависимости материальной структуры фразеологизма от его семантемы и, тем самым, показателем выполнения фразеологической семантемой роли конструирующей основы образования фразеологизма. Важнейшие особенности фразеологизма, которые прямо или опосредованно зависят от соответствующих свойств фразеологической семантемы, следующие:

а) фразеологизм является устойчивым образованием—обладает признаком устойчивости в прямой зависимости от устойчивости фразеологической семантемы как единицы мысли плана сознания, требующей своего запоминания в готовом, стабильном виде в соответствующей материальной структуре. Показателем устойчивости фразеологизма служит его воспроизводимость в готовом виде. Этот же показатель выступает доказательством устойчивости фразеологической семантемы;

б) фразеологизм обладает внутренней раздельнооформленностью. Этой чертой он отличается от слова, являющегося цельнооформленной единицей, и в то же время не отождествляется с переменным словосочетанием или предложением, т. к. раздельнооформленность на уровне фразеологии относится к сцеплению компонирующих слов-лексем (потенциальных слов), а на уровне синтаксиса—к сцеплению реальных слов.

При потребности в объективации фразеологической семантемы на первый план выдвигаются ее семантно-субстанциональные особенности, предопределяющие форму ее передачи, имеющую раздельнооформленную структуру. Будучи по природе характеризующей, квалифицирующей, фразеологическая семантема в отличие от семантемы лексической является развернутой, расширенной единицей мысли, обладающей большим объемом информации. В силу этого она изначально оказывается лишенной возможности в объективации посредством способов словообразования и находит свое выражение через соответствующие средства и способы образования синтаксических единиц.

Таким образом, фразеологическая семантема отличается от лексической объемом информации, а от синтаксической—понятийной целостностью семантического и функционально-грамматического содержания;

в) фразеологизм соотносится с частью речи в прямой зависимости от соответствия его семантемы с понятием. Будучи понятливо-целостной единицей мысли, фразеологическая семантема ориентирована на объект действительности только как целое и поэтому обладает целостностью номинации.

Перечисленные особенности, характеризующие фразеологизм в качестве особой, категориальной единицы языка, служат основой для рассмотрения фразеологии как особого типа проявления языковости, выявляемого на первом, наиболее общем уровне членения языка в общем ряду с такими его автономными отраслями, какими являются фонетика, лексика, синтаксис и т. д. На этом уровне фразеологизм определяется как обозначение (наименование) объекта действительности (который понимается здесь в широком плане как предмет познания), основанное на принципе обязательного описания, характеристики или оценки его в определенном направлении в пределах сложившихся возможностей синтаксического построения словосочетания или предложения без внесения каких-либо изменений в структуру последних.

Свойство языкового образования—являться единицей такого статуса—служит показателем фразеологичности его комплексной организации и, тем самым, доказательством его фразеологической предназначенности. Через это свойство фразеологизм познается как особый элемент языка, особое средство языкового общения.

Фразеологизмы, таким образом, предназначены для того, чтобы служить характеризующими, квалифицирующими обозначениями, обладающими цельностью номинации. Потребность в их создании, как качественно отличных от слова образований, связана с необходимостью в передаче не всех возможных единиц мысли, возникающих в результате отражения действительности, а только таких, в которых действительность представлена в своей предельной характеристике, оценке или описании в определенном направлении.

Специфика структурно-семантической организации фразеологических единиц—показатель их возникновения в ответ на особую потребность и наличия у них особого, фразеологического назначения в системе языка.

ԼԵՉՎԱՐԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ ՊԱՀԱՆՋԻ ՊՐՈՐԸՆՄԻ ՇՈՒՐՉ
(Քրդերենի դարձվածքաբանական նյութի հիման վրա)

Մ. Հ. ԽԱՄՈՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ռ ս

Լեզվական միավորն ունի կառուցվածքարադադրական կազմի երեք արպի յուրահատկություններ, որոնք, պայմանավորված համապատասխան ետպահանջներով, օժտված են իրենց ուրույն ենթանշանակումներով: Վերջիններին գումարը կազմում է լեզվական միավորի ամբողջական նշանակումը և ներկայացվում է որպես նրա տարրերակիչ հատկանիշը լեզվի համակարգում: